

В.С. Неклюдов

Славянский вопрос

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.С. Неклюдов**
Славянский вопрос / В.С. Неклюдов – М.: Книга по Требованию, 2014. – 200 с.

ISBN 978-5-458-55695-8

Книга посвящена истории взаимоотношений государств Европы и России с Османской империей (Турцией) в ходе русско-турецких войн, заключению мирных соглашений и невыполнения их условий Турцией. В книге анализируется роль Англии в продолжении этого "восточного конфликта" на протяжении двух столетий. В книге подчёркивается особая роль России в освобождении братских балканских народов от османского ига и создании ими независимых национальных государств - Черногории, Румынии, Сербии, Греции и Болгарии.

ISBN 978-5-458-55695-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВОПРОСА.

Нѣкоторые органы печати, большею частію слы-
вущіе въ общественномъ мнѣніи официозными, то
и дѣло увѣряютъ насъ въ послѣднее время, что чер-
ныя тучи, столь грозно затемнившія было Востокъ,
можно считать вполне разсѣявшимися, и что миро-
творный союзъ державъ съ полнымъ успѣхомъ слѣ-
дуетъ къ своей высокой цѣли—если и не *развязать*,
то по крайней мѣрѣ *обойти* на время Гордіевъ узелъ
этого вѣковѣчно-удручающаго Европу восточнаго
вопроса.

Къ несчастію, всѣ эти заявленія, направленныя
къ успокоенію общественнаго мнѣнія и, въ особен-
ности, коммерческихъ интересовъ европейскихъ де-
нежныхъ рынковъ, какъ единоличныя мнѣнія ре-
дакторовъ или стоящихъ во главѣ западной журна-
листики заочныхъ руководителей ея, не только не
достигаютъ своей миротворной цѣли, но, растравляя
общественное любопытство и не удовлетворяя его,
посѣваютъ какое-то нездоровое броженіе умовъ, ка-
кое-то всеобщее недовѣріе, обнимающее и самыя
факты, и вызываемую ими политическую дѣятель-
ность.

Среди всѣхъ этихъ разглагольствованій и недомемовъ одно лишь въ нѣкоторой мѣрѣ разъяснилось и даетъ точку отправленія къ основательному обсужденію—и того что сдѣлано, и того чего можно бы желать для умиротворенія Востока.

Белгійская газета „Le Nord“ (№ 12 іюня н. с.) въ статьѣ по поводу отказа Англій присоединиться къ состоявшемуся въ Берлинѣ соглашенію трехъ державъ, приподняла наконецъ завѣсу, скрывавшую тайну его отъ взоровъ непосвященныхъ, и въ слѣдующихъ трехъ пунктахъ опредѣляетъ существенныя основанія договоренныхъ предложеній:

1) Матеріалы обѣщанные Портой для обезпеченія продовольствія выходцамъ и для перестройки ихъ домовъ должны быть собраны заранее.

2) На турецкую смѣшанную комиссію, *установленную* въ принципѣ (NB!), должно быть возложено наблюденіе за раздачей пособій и за всѣми операціями водворенія выходцевъ на родинѣ, а равно за исполненіемъ реформъ, съ *оффиціознымъ* содѣйствіемъ консуловъ.

3) Для воспрепятствованія столкновеніямъ, турецкія войска должны быть сосредоточены на нѣкоторыхъ пунктахъ.

Какъ? И изъ-за этихъ-то трехъ условій Англія рѣшается бросать на вѣсы свой мечъ? Изъ-за этихъ-то платоническихъ требованій рѣчь ся руководящихъ министровъ въ обѣихъ палатахъ, столбцы ихъ призванныхъ глашатаевъ въ печати клеймятъ берлинскій меморандумъ, оповѣщаютъ материкъ о выступленіи на поле дѣйствія столь скромно устранявшагося за послѣднее десятилѣтіе отъ европейскихъ замѣшательствъ британскаго леопарда? Громко вызывается къ подписавшимъ Парижскій трактатъ съ напоминаніемъ статьи, вмѣняющей имъ въ обязан-

ность защищать всякое посягательство „извнѣ“ на цѣлость и независимость Оттоманской имперіи?! *).

И за словомъ грозно слѣдуетъ дѣло. Нежданно-негаданно всѣ морскія силы Англійи стягиваются у самаго изголовья больного, и чисто англійскій способъ лѣченія „приведенъ немедленно въ дѣйствиѣ.— Remède d'Anglais, remède de cheval“, говорятъ французы, то-есть либо всталъ, либо въ гробу. И дѣйствительно, если и не выздоровѣлъ, больной гальванизованъ, всталъ и будто стоитъ. Не обошлось тутъ конечно и безъ *гроба*, или даже безъ *гробовъ*,—ну, да это своего рода *souleur locale* и доказываетъ лишь знаніе почвы, умѣнье принаравляться къ мѣстнымъ нравамъ и обычаямъ.

И все это является будто бы слѣдствіемъ невинныхъ трехъ пунктовъ берлинскаго соглашенія, благодушно принятыхъ всѣми правительствами материка!

Невольно недоумѣваешь и спрашиваешь себя: за кѣмъ же тутъ обманъ? и кто тутъ кого обманываетъ?—особенно когда вспомнишь не столь еще давній фактъ сирійскаго вопроса и того далеко не платоническаго вмѣшательства, которое на глазахъ Англійи и съ ея согласія приняла для его разрѣшенія Французская имперія во главѣ чуть ли не двѣнадцати тысячъ штыковъ.

Но въ этомъ-то припоминаемомъ нами событіи шестидесятихъ годовъ и кроется указаніе единственно возможнаго успѣшнаго дѣйствія Европы въ ея вмѣшательствахъ на почвѣ восточной неурядицы:

На первомъ мѣстѣ ясно опредѣленный планъ и условія дѣйствія.

Затѣмъ узаконеніе ихъ общимъ единодушнымъ

*) Сепаратный трактатъ между Австріей, Англійей и Франціей отъ 30 марта 1856 года, признающій какъ *casus belli* всякое его нарушеніе.

согласіемъ заинтересованныхъ сторонъ—и цѣль достигнута.

Къ несчастію, при всемъ глубокомъ уваженіи, съ какимъ отнесется потомство къ высоко-человѣчнымъ побужденіямъ, руководящимъ политикой вѣнценосныхъ охранителей европейскаго мира, будущему историку нельзя будетъ не признать, что въ настоящихъ обстоятельствахъ, съ самаго начала, не доставало именно перваго условія успѣха, то-есть ясно выговоренныхъ плана и условій дѣйствія.

Цѣль высокая, благая, но не изслѣдованы пути къ ея достиженію!

Вотъ ключъ къ проявившемуся въ послѣдній моментъ раздору и къ тому рѣзко враждебному положенію, въ какое дозволено было Англій поставитъ себя къ обсуждаемому вопросу.

Съ другой стороны, слѣдя за ходомъ дѣла, нельзя не признать, что изъ трехъ союзниковъ, стоящихъ на стражѣ, дѣйствія непосредственнаго сосѣда обьятыхъ пожаромъ мѣстъ обнаруживаютъ прискорбную непослѣдовательность и невольно напоминаютъ поговорку: слово—дѣлу рознь! А между тѣмъ весь успѣхъ дѣйствія въ настоящемъ случаѣ требовалъ именно безусловнаго соглашенія слова съ дѣломъ; всякое же уклоненіе отъ этого начала подкапывало заранѣе всѣ основы успѣха.

Нельзя конечно требовать отъ какого бы то ни было правительства, чтобъ оно приносило въ жертву отвлеченнымъ принципамъ челоуколюбія то, что оно считаетъ своими жизненными политическими интересами. А жизненно-политическіе интересы сборно-народной имперіи Габсбурговъ, какъ она ихъ понимаетъ, столь ясно и столь явно высказаны ею во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, что ошибиться въ нихъ,

не признавать ихъ было бы не видѣть свѣта Божьяго, не вѣрить въ Бога!

Нѣмецкая по династїи, мадьярская по силѣ временно сложившихся условїи, Австрійская имперїя, по населенїю, есть держава преимущественно славянская. Но, странное дѣло, этого-то преобладающаго элемента своего, зародыша своей существенной силы, она не признаетъ и какъ будто чуждается. Она смотритъ на него съ недоувѣрїемъ, жертвуетъ имъ вѣчно шаткимъ соглашенїемъ своимъ съ венгерскимъ магнатствомъ, этою заносчивою головой безъ тѣла, и зря передаетъ его то мадьяризаціи, то овнѣмеченїю, не видя и не сознавая, что ни элементъ мадьярскїй, ни нѣмецкїй, по своей малочисленности, не въ силахъ побороть, хотя и разрозненнаго въ мелкихъ группахъ, но скопившагося на сплошной территорїи, славянста. Въ непонятномъ ослѣпленїи Австрія никогда не хотѣла сознать въ славянскомъ населенїи своемъ того спасительнаго оплота, какимъ онъ однако выказался на дѣлѣ въ трудную для нея минуту, когда чеху Виндишгрецу и хорвату Елачичу приходилось спасать Вѣну и корону Габсбурговъ отъ нѣмецкой революціонной черни и отъ меча венгерскихъ магнатовъ.

Въ такомъ пониманїи или лучше сказать непониманїи своихъ истинныхъ интересовъ вся политика Австріи была вѣковѣчно направляема предвзятою мыслию недоувѣрїя ко своимъ славянскимъ подданнымъ.

Сосѣдство, съ одной стороны, восьмидесятимилліонной славянской державы, съ другой—одноплеменниковъ ея подданныхъ, изнемогавшихъ подъ игомъ Оттоманской орды, въ томъ же смыслѣ установило и политическую программу дѣйствїй австрійскаго правительства какъ въ отношенїи къ своимъ сла-

вянамъ, такъ и къ двумъ сосѣдямъ ихъ, Россіи и Турціи. Словомъ, система укрощенія, положеніе зановоустроенной страны—вотъ удѣлъ выработанный и систематически соблюдаемый австрійскимъ правительствомъ относительно численно преобладающаго элемента его подданныхъ.

Многое конечно въ этихъ воззрѣніяхъ измѣнилось въ теченіе послѣднихъ 25—30 лѣтъ и въ самой Австріи. Принципъ клерикальный пошатнулся и здѣсь, но закваска осталась и продолжаетъ приносить свои прежніе недобрые плоды. Такъ, еслибы сказать нынѣшнимъ дѣятелямъ Габсбургской монархіи, что они дѣйствуютъ въ настоящее время какъ послѣдователи князя Меттерниха и какъ рабскіе возобновители политическихъ традицій двадцатыхъ годовъ, они удивились бы и, по всей вѣроятности, весьма добросовѣстно отклонили бы подобное обвиненіе. Въ сущности же оно такъ, да и не можетъ быть иначе, и иначе не будетъ до тѣхъ поръ, пока австрійское правительство не отречется чистосердечно отъ своего систематическаго заподозриванія всякаго шага Россіи, всякаго слова, перемолвленнаго между русскимъ и кѣмъ-либо изъ ея славянскихъ подданныхъ, всякаго общенія между ними, всякой церковной книги или образа, высланнаго изъ Россіи, всякой славянской книжонки, напечатанной славянскимъ шрифтомъ.

Конечно, времена не тѣ. *Alia tempora, alii mores.*

Такъ, будь мы въ 1821 году, съ перваго же шага возставшихъ райевъ австрійская граница обтянулась бы немедленно непроницаемымъ военнымъ кордономъ, за который ни живая душа, ни зерно хлѣба, ни осколокъ оружія не могли бы проникнуть безъ немедленной конфискаціи, интернированія и даже заключенія. И сдѣлай это Австрія въ іюлѣ

прошлаго года, можно почти утвердительно сказать, что то на что тогда смотрѣли какъ на вспышку, такъ и осталось бы вспышкой, и Турки залили бы ее безъ шума христіанскою же кровью, но въ такомъ ничтожномъ размѣрѣ, который дозволилъ бы и Австріи, и всей христіанской Европѣ омыть себѣ руки отъ пролитія неповинной крови.

Но Австро-Венгрія 1875 года не Австрійская имперія 1821 года. Тутъ надо считаться и съ общественнымъ мнѣніемъ, и съ народными стремленіями, и съ рейхстагами, и съ парламентскою оппозиціей, и съ денежнымъ рынкомъ, и, наконецъ, съ какою-то шаткостью внутренняго организма, не вполне еще возстановившагося послѣ разгромовъ 48-го, 49-го, 62-го и 66-го годовъ. Прибавимъ къ этому такъ-называемую шестую великую державу — печать, и станетъ ясно, что въ 1875 году пришлось дѣйствовать иначе, нежели какъ оно было бы и прямѣе и дѣйствительнѣе, то-есть какъ въ 1821 году.

Съ другой стороны, Россія 1875 года была уже не тою Россіей, которую за двадцать лѣтъ предъ симъ Австрія, при помощи своихъ четырехъ союзниковъ, могла почеркомъ пера отталкивать отъ прибрежьевъ Дуная и обезоруживать по всему Черному морю. Устоялась родная и окрѣпла внутри, вернула себѣ свои права въ своемъ морѣ, а между тѣмъ, вѣрная своимъ вѣковымъ убѣжденіямъ и призванію, не переставала, добросовѣстно относясь къ Европѣ, при каждомъ случаѣ заявлять свое правительственное и народное участіе не предпочтительно той или другой національности, не славянамъ, грекамъ или Румынамъ, а всѣмъ вообще и безъ различія христіанскимъ сосѣднимъ ей племенамъ, изнемогавшимъ подъ игомъ неурядицы и невозможныхъ порядковъ псевдо-европеизованной Турціи.

Признавая не на словахъ однихъ, а на дѣлѣ великую важность (*la haute importance*) гатти-гумаюна, коимъ Порта приняла на себя предъ всѣми подписчиками Парижскаго трактата обязательства относительно улучшенія быта своихъ христіанскихъ подданныхъ, Россія неоднократно, и при каждомъ возникновеніи смутъ на Балканскомъ полуостровѣ, обращала вниманіе своихъ парижскихъ соподписчиковъ 56 года на опасность ежедневно грозящую европейскому миру вслѣдствіе пренебреженія, съ коимъ Порта относилась къ обязательствамъ, принятымъ ею предъ Европой. Но о комъ тутъ было Европѣ хлопотать?—о несчастныхъ райяхъ-схизматикахъ, не поддающихся ни католической, ни протестантской пропагандѣ и, какъ волки, чѣмъ ихъ ни корми, все на своего вѣковаго покровителя и заступника, все въ русской лѣсѣ смотрящихъ! Не стоило изъ-за нихъ и рукъ марать. Да и въ пѣру ли было возставать противъ турецкой неурядицы, когда и банкиры всей Европы, отъ крупныхъ до мельчайшихъ капиталистовъ всѣхъ странъ, пресыщались баснословными учетами и процентами ежедневно возобновлявшихся на европейскихъ рынкахъ турецкихъ займовъ. И оставался гласъ Россіи гласомъ вопіющаго въ пустынѣ!

Но протекли эти двадцать лѣтъ, и съ ними не мало унесено и воды, и крови. Оросились ею и поля Италіи, и Богеміи, и самой Франціи. Садовая, Седанъ сокрушили когда-то сильныхъ; Франція уже не побѣдоносная, непоборимая имперія, Австрія уже не властвуетъ надъ Апеннинами и не членъ первенствующій Германскаго союза; Пруссія уже не Бранденбургская монархія, а мощная Германская имперія, и въ добросовѣтномъ, на обоюдныхъ интересахъ и уваженіи основанномъ, неодолимомъ со-

юзѣ съ нею выдвигается обновленная, полная жизни и силы Россія, съ тою политическою программой, которую она себѣ усвоила вмѣстѣ съ подписаніемъ Парижскаго трактата, и которой совѣстливо и неуклонно держалась среди всѣхъ тревоженій этого бурнаго двадцатилѣтняго періода, пережитаго Европой: въ отношеніи къ себѣ — разработка своихъ внутреннихъ силъ, въ отношеніи ко внѣ—ненарушимое соблюденіе международныхъ обязательствъ и охраненіе, елико возможно, европейскаго мира, вотъ тѣ стремленія съ которыми выступала Россія, готовая дать честную руку свою всякому, кто откликнется на ея призывъ идти по этому прямому, открытому пути.

И надо сказать, что на этотъ высокочеловѣчный, прямодушный кличъ самой прямой души изъ воссѣдающихъ на европейскихъ престолахъ, откликнулись было, какъ бы очарованные ею, и други, и вчерашніе еще педруги!

Въ краткомъ очеркѣ таково было взаимное положеніе державъ, въ какомъ застигла ихъ буря, разразившаяся на Востокѣ.

Присмотримся къ ходу событій за этотъ послѣдній годъ и къ тому, въ какой мѣрѣ каждый изъ членовъ миролюбиваго союза принесъ свою добросовѣстную долю содѣйствія къ потушенію вспыхнувшего пожара.

Естественнымъ образомъ, первые призванные къ дѣйствию самимъ географическимъ положеніемъ своимъ были непосредственные сосѣди, Россія и Австрія. Но изъ нихъ Австріи, какъ ближайшей и прежде всѣхъ могущей быть затронутою пламенемъ, Россія, со свойственною ей прямою, не обинуясь, предоставила разработку тѣхъ мѣръ, какія могли бы, въ границахъ существующихъ трак-

татовъ, быть приняты для локализаціи бѣдствія и, главное, для предотвращенія на будущее время подобныхъ тревогъ, затрогивающихъ каждый разъ самыя существенныя основы европейскаго мира и самое существованіе Оттоманской имперіи. Но одинъ подавалъ руку прямо, искренно, добродушно и безовсякой задней мысли, движимый лишь цѣлью своего христіанскаго долга и общаго блага; другой хватался за эту руку, чтобы не дать ей дѣйствовать одной, чтобы обезпечить себя отъ всякихъ самовольныхъ ея движеній. Въ одномъ — нелицемѣрное прямодушіе товарища-друга, въ другомъ — бдительное недоувѣріе и подозрительность соперника.

Вотъ какими проглядывали взаимныя побужденія, при коихъ было приступлено къ дѣлу.

Образъ дѣйствій временъ Меттерниха, какъ мы уже сказали, былъ бы теперь не ко времени. Какъ-то неприлично было сразу вступать въ роль турецкаго блюстителя порядка, пограничнаго стража. Тутъ и крика своихъ не упасешься. Да и на что спѣшить? Терпѣніемъ и ловкостью можно было дойти и до этого.

Лучше кого-либо, и во всякомъ случаѣ лучше многихъ, австрійское правительство знаетъ и проникло всю суть турецкихъ порядковъ. Не тайна для него, да и ни для кого, что привитый Турціи ея европейскими заступниками европейскій элементъ есть для нея, съ тѣхъ поръ какъ она ему поддалась, элементъ болѣе или менѣе скорого, но вѣрнаго разложенія.

Но хотя турки и не забыли ничего изъ своего прошлаго, изъ того, чѣмъ они были, надобно имъ отдать справедливость, что они, съ прирожденною восточному человѣку тонкостью, многому научились въ своемъ сближеніи съ Европой, а именно: они по-